

Гармония женской Вселенной

Заметки о прозе Ирины Львовой

Как написать о прозе, в которой почти ничего не происходит? Что если оттолкнуться от самой особенности автора вытягивать сюжеты, как пряжу из клубка, из хитросплетений мыслей: «Со всех сторон мне твердили, что писателю нужен жизненный опыт, но если это так, женщинам никогда не написать ничего стоящего. В жизни мало что происходит, и они обречены рассказывать о том, что происходит, когда не происходит ничего», – пишет Ирина Львова. Но ведь события очень часто состоятся на внутреннем плане бытия, никак не проявляя себя внешне. Главные события жизни именно так и случаются, когда никто из окружающих даже не подозревает, что человек пережил настоящее открытие или потрясение, потому что на будничном плане действительно ничего особенного не произошло.

Если мир совпадает с человеком, то, открывая себя, человек непременно открывает заново окружающий мир. Проза Ирины Львовой – это именно постоянное познание мира через собственное бытие в нем. К слову, бытие вообще иначе познать нельзя, как только через себя, поэтому не стоит обвинять творцов в гипертрофированном Я. Любое Я что-то добавляет к общей картине мира.

«Я думала, что быть женщиной – это вопрос формы, а не содержания, а содержание я и собиралась изучать», – заявляет героиня рассказа «Джудит Моррис». Насколько это справедливо, насколько безотносительно к прозе самой Ирины Львовой? В данном случае, пожалуй, женскость (не женственность!) – основополагающий принцип содержания. Что значит быть женщиной, осознавать собственное бытие через принятие своего естества – незлобивого, не перестающего удивляться миру, мягкого, не осуждающего? Ни в коем случае это не «женская» проза в традиционном понимании, поскольку то, что в народе называется «женским», испытывает неодолимую тягу к своей противоположности, тяготится отсутствием мужского начала, оплодотворяющего фаллоса, оно потенциально чревато новой жизнью, слиянием, умножением, плодородием, телесностью и в вульгарном смысле – телесатостью... Все перечисленное отсутствует в прозе Ирины Львовой. Тонкая паутина ее повествования вьется из намеков, догадок, случайных фраз, ассоциаций. Освободившись от любви, героини Львовой неожиданно обнаруживают свободу и самодостаточность. Они попадают не просто в женскую цивилизацию, но в женскую Вселенную, которая в отсутствие противоположного начала гармонизирована внутри себя. Холодный Инь неожиданно дает бинарный код, зеркалит, и вот большое, звучное, как орган, имя Людмила распадается на Люду и Милу в романе «Случайные гости». И теперь два равноценных Инь завяжут друг от друга, создают движение, как волны, поддерживают взаимную гармонию. Они – половинки одного целого, «худые, угловатые, невысокие, с короткими стрижками, похожие на школьников-подростков. Шумно и радостно прогуливающих уроки. Их лица – круглые, детские. Походка – кошачья, цепкая...» Вообще, в

литературе очень редко встречается описание двух героинь одновременно, а дальше в тексте действительно появляется образ зеркала: «Наверное, мы всегда ищем свои отражения, смотрим бесконечно, до головокружения в других, как в зеркало...»

Дробление единого начала на отдельные внутренне несовпадающие личности прослеживается в рассказах «История» и «Встреча», когда с течением времени из собирательного понятия «одноклассники» или «сокурсники» выдергиваются странные персонажи, чем-то интересные и чем-то по-прежнему связанные с лирической героиней, которая только вскользь пересекается с ними в процессе повествования, не вмешиваясь в чужую жизнь. Так сорванные с ветки листа прибывает друг к другу, и некоторое время они странствуют вместе, брошенные ветром в ручей.

Мужчина присутствует в прозе Ирины Львовой как мифологический персонаж. Он есть постольку, поскольку героини верят в его существование. Так девочка Аня в повести «Дом, о котором мы мечтали», верит в отца, который, оказывается, не умер, как она полагала, а продолжает жить где-то за пределами ее бытия, «в другом фильме, который я никогда не видела». Слово «папа» соединяется в ее сознании с эпизодом из детства, когда она увидела чужого пьяного человека, про которого подружка сказала: «Вот папа». «Он шел, раскачиваясь от дома к дому, огромный, похожий на медведя. Девочки шарахнулись в сторону, теперь он надвинулся на меня, и слышно было уже его рычание, и видно его опухшее лицо, но то ли земля оказалась скользкой после дождя, то ли он устал раскачиваться из стороны в сторону, – только он рухнул у моих ног». Мужчина вообще не вписывается в женскую Вселенную: «только ключи от квартиры связывают человека с домом». Ведь это женщина «творит мир, благоустраивает хаос, отгораживается от одиночества стеною домашних обязанностей». В этой Вселенной мужчина в лучшем случае обозначает свое присутствие статусом отца, брата, друга... Часто он продолжает свое существование только на фотографии в семейном альбоме и в сознании некогда любивших его женщин – как полумиф, обросший легендами. А ведь так действительно бывает во многих семьях. И многих мужчин получается любить только на расстоянии или на временном отдалении. Рано или поздно женщина это понимает и научается быть свободной.